

Н. СИДОРОВ

ЕРШИШКА ЗАЗНАЙКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1969

НИКОЛАЙ СИДОРОВ

ЕРШИШКА- ЗАЗНАЙКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“
1969

ЕРШИШКА-ЗАЗНАЙКА

В одной речушке жил ершишка. Немудрящая рыба — колочек много, мяса мало. А такой задиристый! Во всякое дело свой нос суёт да поучает:

— Не то, не так! Вот я... Вот как по-моему! Меня даже щуки боятся. Вот я вам покажу!

Да так ошестинится, разъершится, ну прямо ёж колючий.

Стали рыбы ерша чуждаться. Приятели, с которыми он вместе чужую икру поедал, и те от него отвернулись. А он знай шумит, мудрость да величие своё доказывает. Не успеет кто-либо из рыб к ершовым местам подплыть, как он попрекает:

— Куда в мои воды лезешь? Тебе ли со мной общество

— Ох, милые щучки, острые зубки... Ну что вам стоит ко мне подплыть, суровую нитку перекусить?

Остановились щуки, плавниками шевелят, переглядываются.

— Ерш ли это? Ишь, какой вежливый стал.

В это время высунулся из-под коряги сом, расправил усы и пробасил:

— Да насмехается он над вами, знает, что в мае вы свои зубы на новые меняете, вот и потешается.

— Ну и пусть себе развлекается,— сказали щуки, вильнули хвостами и уплыли.

Так ершишка-зазнайка коту и достался.

ХИТРЫЙ КУЗНЕЧИК

Однажды зелёный кузнечик и мышь-полёвка поспорили, кто из них лучше слышит.

— Конечно, я,— расхвасталась мышь.— Кот ещё только подкрадывается на мягких лапах, а я уже слышу и прячусь.

— Подумаешь,— ответил кузнечик.— Я кота даже во сне слышу.

Спорили они, спорили, но так ни о чём и не смогли договориться.

— Тогда давай испытаем, чей слух лучше,— предложила мышь.

— А как? — спросил кузнечик.

— Очень просто, — пояснила мышь, — сядем и будем ждать, когда кот придёт. Кто первый его услышит, у того и слух лучше. Согласен?

— Нет, не согласен, — отвечает кузнечик. — Может быть, кот и не придёт. Давай так сделаем: завяжем себе головы и пригласим соловья. Пусть он запоёт, и кто первый его услышит, тот выиграл.

Так и сделали. Пригласили соловья, а сами головы завязали. Только соловей запел, а кузнечик уже мышь в бок толкает, кричит:

— Слышу! Слышу! Про то, как светит луна, поёт.
Не поверила мышь кузнечику.

— Ты, наверное, обманываешь,— говорит,— я сама тебе голову завяжу.

И завязала — даже глаз не видно.

Опять соловей запел, и снова кузнечик кричит:

— Слышу! Слышу! Про то, как восходит солнце, поёт.

Удивилась мышь: соловей, и правда, про солнце пел. Так и согласилась, что слух у неё хуже.

А кузнечик, хитрец, посмеивается про себя: «Ловко же я её провёл! Ведь уши-то у меня не на голове, а на ногах».

ПОЧЕМУ ЁЖ И ЗМЕЯ ВРАГАМИ СТАЛИ

Рассказывают, в незапамятные времена ёж и змея-гадюка были друзьями. А больше никто не любил гадюку. Подумать только, прокрадывалась в птичьи гнёзда, пролезала в беличьи дупла и пожирала птенцов и детёнышей! Только к ёжику не забиралась: боялась иголок острых. А он думал, что гадюка мирная и рассказам о её разбоях не верил.

И вот однажды рано утром услышал ёж у своего порога тихие стоны. Он открыл дверь и увидел гадюку, всю избитую и истерзанную. Её кожаная одежда была изорвана, на ней виднелись следы когтей. Видимо, неудачной

оказалась утренняя охота на чужих детей, сама еле живой уползла. Но змея схитрила и сказала, что упала с обрыва и разбилась.

— Помоги мне,— зашипела она.

Ёж сжалился над гадюкой и пустил её в дом. Потом свил из паутины крепкую нитку, вытащил из спины иголку и починил змеиную кожу.

С тех пор они и подружились. Часто змея заползала к ёжику в гости, и он захаживал к ней. А когда у него появились детёныши, решил пригласить её нянькой. Змея задумалась и сказала:

— Я бы с удовольствием покачала и понежила твоих деток, да боюсь наколоться!

— Что ты, кумушка, они же родились совсем голенькие, иголки у них потом вырастут.

Смекнула змея, что можно ей полакомиться, и притворилась доброй:

— Хорошо, иди по лесным делам, а я с твоими детками позабавлюсь...

Ёж отправился в лес набрать сухих листьев для детских постелек, оставив гадюку нянькой.

Змея только этого и ждала. Изловчилась, раскрыла пасть и проглотила всех ежеат одного за другим. Наелась так, что даже из гнезда уползти не успела, тут же заснула.

Вернулся домой ёжик, видит: гадюка-нянька спит с раздувшимся брюхом, а ежеат и в помине нет!

Догадался простак, куда они девались, фыркнул, взъерошился да как хватит змею за горло:

— Отдай моих деток, гадюка!

И так начал её трепать, что всех ежат из брюха, как из мешка, и вытряс. Глотала-то она их, не пережёвывая, все живёхоньки оказались.

Очнулась змея и шипит, язык высунув:

— За что ты меня, куманёк? Почему рассердился, разве я плохой нянькой была? Всех твоих деток в тёплую люльку прибрала! Такие они маленькие, такие слабенькие, такие голенькие... А ты драться! Невежа!

— Нет,— сказал ёжик,— меня не проведёшь. А чтобы других не обманывала, помечу я твой подлый язык!

Вытащил самую крепкую иглу да пришил змеиный язык к земле. Долго извивалась гадюка. Понатужилась, дернулась и разорвала язык надвое. С тех пор так и ползает. На весь свет злая, а на ежа в особенности.

Если встретите змею с раздвоенным языком — опасайтесь: это гадюка!

Захотелось однажды лисе утиного мяса попробовать. Да вот как поймать ловкую дикую утку? На лету не схватишь, на воде не достанешь.

Думала-думала лиса и решила перехитрить осторожную птицу. Пришла на берег, увидела, что утка по озеру плазает, притворилась, будто ноги у неё отнялись, и причитает:

— Уточка-красавочка, лаковый носок, кругленький глазок, помоги мне, бедной, до деток добраться. Ноги мои совсем ходить отказались. Пропаду я тут на болоте.

Услышала утка, подплыла к берегу. Но на землю не выбирается: знает, мастерица лисонька зубы заговаривать.

— Помоги, уточка, сделай милость. Век тебя помнить буду,— умоляла лиса.

Задумалась утка.

— Я бы рада тебя выручить... Я болезни лечить умею... Пиявками, например... Только вот с лисами встречаться не приходилось. Покажи-ка, как ты раньше бегала, тогда и подумаю, смогу ли я тебе помочь.

Обрадовалась лиса, что верит птица её обману, встала на все четыре лапы и давай сигать и так и этак.

— Ха-ха-ха, как ты ловка,— засмеялась утка.— Вот так и беги к своим деткам! — И уплыла в камыши.

КАК ВОРОНУ ПРОБЕЛИ

Видимо, не зря говорят, что глаза у вороны заидушие. Что не встретит, всё в гнездо тащит.

Ухитрилась однажды ворона юркую ящерицу поймать.

Вот уж радости-то было. На весь лес так бы и расхвасталась. А кричать-то нельзя. Клюв занят. Закричишь, добычу упустишь. Только и осталось, что от радости крыльями хлопать.

— Кому это ты, соседка, аплодируешь? — поинтересовался у вороны дятел.

А та знай себе помалкивает, лапой на клюв показывает, смотри, мол, какая добыча!

— Видно, не зря говорят, что пуганая ворона куста боится, — рассмеялся дятел. — Да ты возьми её лапой за хвост, что её в клюве-то держать. Куда она денется?

«И то дело, — обрадовалась ворона, — а то ведь так никто про мою добычу и не узнаёт, если сама промолчу».

Выпустила она ящерицу из клюва и лапой на хвост ей наступила. А зверюшке только этого и нужно было. Дёрнулась

она посильнее, юркнула под траву, и нет её. У вороны под лапой только маленький кончик хвостика остался.

— Как?! — вскрикнула ворона.

А вот так. Никогда не пытайся ящерицу за хвост удерживать, обязательно проворонишь!

ЛЕСНОЙ ДОКТОР

На опушке леса росла старая сосна. Она прожила на свете больше ста лет и много знала. Сосну уважали все лесные жители, и она отвечала им добром. Если начинался дождь, сосна укрывала зверей своими ветвями и не брала птиц, когда они вили на ней гнёзда. Она даже любила нянчиться с маленькими птенцами, укачивая их в гнёздах, как в колыбели.

Но вот однажды сырой осенью старая сосна заболела. Она тяжело вздыхала, жаловалась соседкам, что ноет её древесина под корой, а они не знали, чем ей помочь. К зиме сосне стало ещё хуже.

— Нужно позвать доктора,— посоветовала белочка.—
Когда люди болеют, они всегда так делают.

Ей было очень жаль добрую старую сосну, которая всегда разрешала порезвиться и попрыгать на своих ветвях.

— Мы не знаем, где найти доктора,— тихо проговорил ёжик, который считал, что иглами сосна ему сродни.

— Может быть, зайца спросить? Он по всему лесу бегает.

Позвали зайца. Узнал косой, что с сосной беда приключилась, и говорит:

— У зверей нет докторов, мы все сами лечимся. Вот разве среди птиц лекарь найдётся? Я сейчас у синицы узнаю.

Нашёл заяц её дупло и просит:

— Помогите старой сосне: ей, бедной, нездоровится.

Синица не отказалась и полетела за зайцем на опушку. А сосна совсем загрустила, пригорюнилась, даже ветви к земле склонила. Долго её синица осматривала и говорит:

— Не могу тебе помочь, я собираю червяков и букашек, которые сверху. А тебя кто-то точит изнутри.

— Как же теперь быть,— заволновалась сосна,— с кем посоветоваться?

— А ты к дятлу слетай,— надоумил снегирь синицу.— Лучше его доктора не сыщешь. Он даже в город прилетает деревья лечить.

Отыскала синица дятла и про больную сосну рассказала. Он отложил все дела и сразу стал в путь-дорогу собираться. Надел свой чёрный камзол, и полетели они к сосне.

А она совсем ослабела, едва ветвями шевелит. Почистил дятел нос, надел очки и стал дерево осматривать да клювом по нему постукивать. Постучит, постучит — послушает.

— Тебя жуки-короеды мучают,— говорит он,— не печалься, я с ними быстро разделаюсь.

Забегал по дереву вверх-вниз и кору долбит. А нос у него длинный, острый. Вскоре всех жуков из-под коры повишквал. Сосне даже больно не было.

Закивала она ветвями, радостно зашумела:

— Спасибо тебе за спасение. Совсем хорошо себя чувствую.

Теперь все сосны и ели любят дятла. Видели, как они его шишками угощают?

ХВАСТУНЬЯ ТРЯСОГУЗКА

Случилось это в одну из самых суровых, морозных зим. До того мороз разгулялся, раззадорился — только треск кругом. Даже лежебока-медведь не выдержал: видно, сильно в берлоге мороз его за бока пощипывал. Вылез мишка на свет белый, да и назад попятился. Хотя и холодновато в берлоге, а наверху ещё хуже, мороз так за нос и хватает.

Два дня медведь на холодной постели вертелся, маялся. А мороз пуще прежнего разошёлся: днём песни поёт, с метелями хороводы водит, а к ночи устанет, заберётся повыше и отдувается: «Уф! У-ф-ф!»

Зверям и птицам никакого житья не стало. В норах и холодно, и голодно, запасы кончились. Что делать?

Пришли все звери и птицы к медвежьей берлоге, просят его, как самого сильного, в беде помочь, метель утихомирить, зиму прогнать.

— Помог бы вам,— отвечает,— и я по теплу соскучился, но не знаю, с какого конца-краю за это дело взяться.

Тут вступилась лиса-всезнайка:

— А я знаю, с какого краю начать. Разве вы не заметили, что тепло начинается, как только лёд на реке разломается?

Если лёд трещит — так зима бежит. Если лёд плывёт — так весна идёт! Надо лёд колоть, Мишенька, в нём вся сила зимняя!

— Так, так, так! — подтвердил дятел.

— Ко-лоть, ко-лоть! — завертелись синицы.

— Ты уж постарайся, Михалыч, — попросил рассудительный ёж. — Только тебе с твоей медвежьей силой со льдом справиться!

— Ладно, — рявкнул медведь. Выломал дубину стоеросовую и на реку. Как хватит по льду со всего размаха — только брызги летят, трещит лёд, поддаётся. Жарко медведю становится. Хоть шубу снимай.

— Ага-га! — ревёт медведь. — Сдаёшься, зима лютая! Ещё раз! Разом-раз!

— Ну, теперь зиме конец — ишь, как он её дубасит! — говорит лиса. — А кто вас уму-разуму научил? Не я ли вас надоумила?

— Ты, ты, так-так! — застучал дятел.

— Хит-рит, хит-рит! — затараторили синицы.

— Зачем спорить? — успокоил их ёж. — Если к лисьей хитрости да медвежья сила — тут никакая зима не устоит!

Но рано лиса с медведем славу делили. За ночь, пока умаявшийся мишка спал, мороз снова реку сковал. Зазыла метель, над птицами и зверями насмехается: «Хороша

медвежья услуга!» Рассердился медведь и на другой день опять на реку с дубиной вышел.

Шёл берегом человек и подивился на медвежий труд.

— Для чего это Топтыгин лёд колет? — спросил он у пролетавшей мимо трясогузки.

— Зиму гонит, вот и колет, — ответила птица.

— Зачем его колоть? Дай срок — он сам расколется и вниз уплывёт.

— А когда это будет?

— Когда день станет больше ночи, вот тут и жди половодья.

Запомнила эти слова трясогузка да скорее в лес. И давай похваляться:

— Хотя я птичка-невеличка, а ловчей медведя могу с зимой справиться.

— Как же ты это сделаешь? — удивились звери и птицы.

— А вот хвостом. Сяду на лёд и весь поколю!

Звери трясогузку на смех подняли.
— А вот поколю, весь поколю! — не унимается птица. —
Дайте срок, подождите, так кусками вниз и поплывёт!
Прошло немного времени, спрашивают трясогузку:
— Может, ты действительно лёд расколешь?
— Захочу — расколю, а не захочу — так и будет стоять,
всё на свете студить! — важничает трясогузка, а сама соображает:
стал ли день больше ночи?
И вот однажды по лесу разнеслось:
— Приходите все к речке. Трясогузка будет хвостом лёд колоты!
Удивительно, не верится, а всё же собрались.
А трясогузка сидит на льду и хвостиком покачивает.
Дождалась, когда побольше лесных жителей собралось,
и пицтит:
— Смотрите, как я его!

Тюк хвостиком по льду, тюк! Даже грохота нет, так только пёрышками касается. Но вот показалось из-за леса солнце, и вдруг — о, чудо! — лёд на реке надвое раскололся. Трясогузка хвостом об лёд бьёт, а он колется, ломается. Река бурлит, льдины подхватывает. Весенний ветер их гонит. Теплом веет.

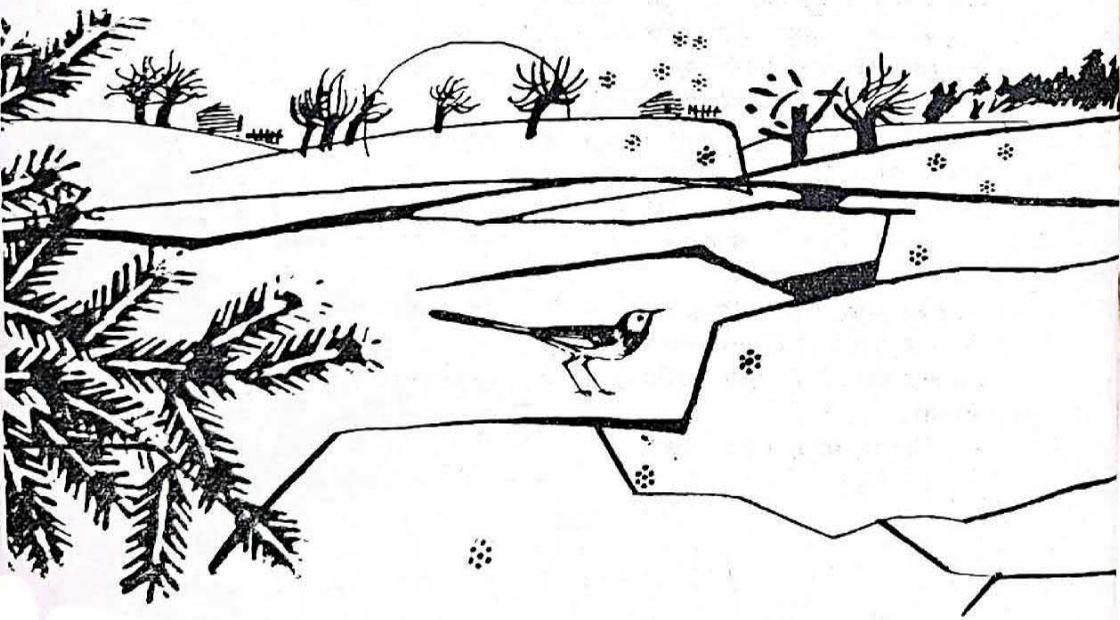
Обрадовались звери и птицы. Славят трясогузку:

— Вот так невеличка! Мала, да сильна!

А трясогузка щебечет:

— Ах, смешные вы, звери, что мне не верили. Я ведь ледоломка — лёд мне, что соломка!

С тех пор и пошла молва, что трясогузка весне помогает, хвостом лёд разбивает. Даже примета такая есть: как трясогузка на льду замечена — быть скорому ледоходу.

Для дошкольного возраста
Николай Данилович Сидоров
ЕРШИШКА-ЗАЗНАПКА
Художник С. Остров

Редактор Н. Сендерова. Художественный редактор Г. Болашенко. Технический редактор Т. Щеглова. Корректоры С. Блакштейн и Н. Пьянкова. Сдано в производство 27/1 1969 г. Подписано в печать 5/XI 1969 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (3 н. л.+0,5 печ. л. офс. вкл.). Усл. печ. л. 4,1. Уч.-изд. л. 5,63. Тираж 100 000 экз. Изд. № 303. Заказ 1583. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, А-55, Бутырский вал, 68. Полиграфический комбинат им. Я. Коласа, Государственного комитета Совета Министров БССР по печати, Минск, Красная, 23.

